

Елена
Арсеньева

любовь великих женщин

Прекрасные
авантюристки

Елена Арсеньева
Заговор между спальней и
казармой (Елизавета Петровна)
Серия «Прекрасные авантюристки»

Издательский текст

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138519
Прекрасные авантюристки: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-04718-2*

Аннотация

Эти женщины пытались выстроить свою судьбу именно так, как представлялось им в дерзких и... прекрасных мечтах! Не жалея сил, а порой и жизни, стремились они во что бы то ни стало изменить предначертанное им от века, поспорить с волей небес, рискнуть – чтобы победить или... упасть во прах. Цели у них были разные: воинской славы искала Надежда Дурова, сияния царской власти Марина Мнишек, сказочной любви Ольга Жеребцова... Что еще двигало этими женщинами, как высоко удавалось им взлететь, как низко пасть, чего добиться – читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

Содержание

От автора	4
Заговор между	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Елена Арсеньева Заговор между спальной и казармой Елизавета Петровна

От автора

Слово «авантюристка» воспринимается нами как не очень почтенное. Что-то вроде обманщицы, мошенницы, чуть ли не спекулянтки. Согласно словарю Даля, «авантюрист – искатель счастья, приключений; землепроходец, проходимец».

Слово «авантюра» по-французски означает приключение. И авантюристка – или *авантюрьерка*, как очаровательно говорили в старину! – это не более чем искательница приключений. Совсем другое дело, верно? Если авантюристка все же мошенница, то она пытается не обмишурить ближнего своего, а – обмануть судьбу.

Искать приключений, уметь переписать предназначенное тебе от века, обладать достаточной смелостью, чтобы пройти – или хотя бы попытаться пройти! – по другой тропе, чем та, которая ждет тебя от рождения. Споткнуться на этой тропе, упасть, свалиться в пропасть, выбраться снова на дорогу

жизни или остаться лежать во прахе – но до самого смертного часа помнить, что хоть ненадолго, а все же удалось поспорить с непререкаемой волею небес!..

Именно о таких женщинах, отмеченных в русской истории с первых лет ее исчисления, и рассказывается в этой книге.

Заговор между спальней и казармой Елизавета Петровна

«Что происходит? Нет, этого не может быть! Это не со мной! Куда они несут меня? Во что я впуталась? Это ведь авантюра! Не сносить мне теперь головы! Все кончено для меня. Все кончено. Или... или все только начинается?!»

Таковыми мыслями была обуреваема тридцатилетняя рыжеволосая женщина с испуганными и в то же время шальными голубыми глазами, смотревшая сверху на толпу гвардейцев, которые со всех ног бежали по раскисшей снежной грязи к Зимнему дворцу. Женщина не поспевала за ними: ноги ее скользили, юбки мешали, поэтому гвардейцы подняли ее на руки. Их невозможно было остановить, ее запоздалые страхи, последние всполохи осторожности, смутные, ненужные сейчас воспоминания не поспевали за ними так же, как не поспевали ее маленькие башмачки за тяжелыми сапогами гвардейцев...

* * *

– Ой господи! Спасите! Спасите меня!

Истошный женский крик вспорол жаркую, душную тишину тесной опочивальни. Почти тотчас скрипнула дверь, и тьму рассеял зыбкий огонек свечи. Мягко прощуршали по деревянному полу расшлепанные старые валенки, раздался сонный мужской голос:

– Тише, лебедушка моя белая. Угомонись! Ну чего ж ты так кричишь-то, Лизонька, душенька? Тише-тише!..

Он разговаривал, будто с ребенком, и женщина, метавшаяся в своих перинах, подушках и одеялах, словно в оковах, наконец-то перестала вопить.

– Опять что-то привиделось?

– Привиделось, Васенька! – послышался дрожащий голос, перемежающийся всхлипываниями. – Будто ворвались они... с ружьями, с палашами. Вытащили меня из постели, поволокли, а там уже кандалы гремят...

– Ну как же они к тебе ворваться могли, когда я – вон он, за дверью стерегу? – рассудительно проговорил Васенька. – Ни в коем разе им мимо меня тишком не пройти, да и пропущу ли я их? Костями лягу, а к твоей милости шагу никому чужому не дам шагнуть. Иль не знаешь?

– Знаю, – пробормотала она, всхлипывая все реже. – Знаю, а сны-то... с ними не сладишь!

– Сладишь, Лизонька! – журчал, словно ручеек, Васенькин ласковый шепот. – Со всем на свете сладишь ты. И со снами страшными, и с неприятелями своими! Глядишь, еще и посмеешься над ними, еще их самих в страх вгонишь. Ух

как затрясутся они, ух как взмолятся! Небось все лбы отобьют, земно тебе кланяясь: смилуйся-де над нами, Елисаветушка! Ну уж ты тогда сама решишь, казнить али миловать. Одно могу сказать: еще отольются им твои слезоньки.

– Как же сладко поешь ты, Васенька! – прерывисто вздохнула женщина. – А все одно: страшно мне, маетно! Жарко натоплено, а все дрожь бьет дрожкою. Согрей меня, Васенька. А?

– Воля твоя, лебедушка моя белая, – покорно отозвался Васенька, – как велишь, так и сделаю. – Проворно, нога об ногу, он сбросил валенки и мигом взобрался на высокую кровать, очутившись среди такого множества подушек, подушечек, вовсе уж маленьких думочек, что затаившуюся меж ними женщину пришлось искать ощупью. Впрочем, сие дело было для Васеньки привычное, и спустя самое малое время беспорядочная возня на кровати сменилась более размеренными движениями. Шумное дыхание любовников, Впрочем, изредка перемежалось еще не утихшими всхлипываниями, как если бы женщина еще не вполне успокоилась и продолжала оплакивать свою долю.

Женщиной этой была Елисавет, дочь государя Петра Великого. А мужчиной, который так привычно и ловко утишал ее ночные страхи, – дворцовый истопник Василий Чулков.

Ей было не впервой принимать на своем ложе кого попало – от князей и высших военных чинов до истопников и

простых гвардейцев. В этом смысле она вполне унаследовала пристрастия своей маменьки, которая, как известно, прошла путь от охапки соломы, на которой валял ее русский солдат, прежде чем попалась на глаза фельдмаршалу Шереметеву, затем – государеву фавориту Меншикову и лишь потом оказалась в постели русского царя Петра. Впрочем, императрица Екатерина Алексеевна, звавшаяся в незабытом прошлом Мартой Скавронской, норовила то и дело спрыгнуть с царского ложа и поваляться где придется – на кушетках, на коврах, а то и прямо на полу – то с прежним любовником своим Алексашкою, то с каким-нибудь новым любезным ее сердцу красавцем, желательно немецкого происхождения (она ведь и сама была далеко не русской!), например, с надменным Рейнгольдом Левенвольде или обворожительным Виллимом Монсом, а то и вовсе кто под руку попадет. Конечно, ей приходилось таиться от супруга, ибо месть его могла быть ужасна! Екатерина едва не простилась и с тронном, и с головой за чрезмерно бурную интрижку с черноокиим красавчиком Виллимом, ну а ему пришлось-таки сложить свою гордую голову на плахе. Но уроки *легкого поведения* были прочно и на всю жизнь усвоены ее младшей дочерью Елисавет.

Но сейчас дело было не только и не столько в этом самом *легком поведении*. Каждую ночь виделись Елисавет всевозможные страсти и ужасти, каждую ночь донимали ее кошмары: а ну как надоест императрице Анне Иоанновне (или сменившей ее правительнице Анне Леопольдовне!) терпеть

на задворках двора забытую всеми царевну? А ну как прослышит о том, что многие люди, недовольные засильем немцев при дворе бывшей курляндской герцогини и ее племянницы, нежданно-негаданно вознесенных судьбой на российский трон, все чаще с надеждой обращают взоры в сторону дочери Петра Первого? А ну как дойдут до двора разговоры, в которые все чаще пускается преданная – и, такое впечатление, поголовно влюбленная в Елисавет – гвардия: искра-де Петра Великого обречена на забвение, законная наследница престола, а ведь стоит ей сказать только слово, стоит только нас позвать...

А ну как надоест правительнице терпеть под боком своим эту самую «искру», из которой вдруг да раздуется пожар, могущий спалить ее царствование? А ну как решит она эту «искру» погасить?

И сбудется кошмарное видение: ворвутся в ночной покойчик Елисавет люди с ружьями и палашами, схватят под белы ручки, отволокут в застенок – перепуганную, ничего не соображающую спросонок... Нет, не для того спал под ее дверью истопник Василий Чулков, чтобы в случае чего защитить царевну грудью и положить за нее жизнь (хотя отваги, преданности и отчаянного безрассудства у него вполне хватило бы, даром что истопник, а не гвардеец!), дав ей возможность бежать. Куда?! И далеко ли убежишь босая, в ночной сорочке? Нет, Васеньке следовало только лишь предупредить Елисавет о том, что к ней идут чужие, и дать ей воз-

возможность встретить опасность с тем достоинством и величавым спокойствием, какое подобало дочери Петра Великого.

Хотя, наверное, те, кто явился бы к ней с предписанием отправить в крепость или в какой-нибудь дальний монастырь, немало удивились бы, встретив в ней спокойное достоинство, ибо этого свойства в ней никто не предполагал. Что при дворе, что за его пределами иначе как веселой потаскушкой царевну почти никто не называл. Другое дело, что одни произносили эти слова с осуждением, а другие – с явным одобрением.

Царевна Анна, старшая сестра Елисавет, – та была совершенно другая. Скромница, умница – не даром, умирая в 1725 году, Петр в полубреду просил своих приближенных: «Отдайте все Анне», распоряжаясь, таким образом, сделать ее наследницей. Однако разумная и благонравная Анна уже была к тому времени замужем за герцогом Голштейн-Готторнским, а значит, воцарение ее означало фактическое воцарение ее мужа, поэтому ей пришлось отъехать вместе с ним в Голштинию – там она и померла вскоре после родов...

Да, имя Анны то и дело всплывало, когда советники Петра спорили о том, кто взойдет на престол. Другими претендентами были Екатерина Алексеевна и внук Петра, тоже Петр Алексеевич, сын несчастного царевича Алексея. Назвать имя Елисавет никому и в голову не приходило.

Не только потому, что в это время ей было всего лишь

шестнадцать лет! Ее племянник Петр был значительно моложе. Но необходимо было слишком богатое воображение, чтобы представить Елисавет (ее иногда называли то ли насмешливо, то ли ласково Елисаветкой) на престоле. Вот в постели – это да, это пожалуйста, тут и никакого воображения тратить не надо.

Именно в шестнадцать лет она отдала свое пылкое сердце и не слишком дорого ценимую невинность тридцатилетнему Александру Бутурлину, гоф-юнкеру ее двора. Прежде он был солдатом гвардии, определенным в Морской шляхетский корпус. Вышел оттуда мичманом и был взят царем Петром в денщики. Тогда-то и обратила на него внимание рано повзрослевшая девочка-царевна. Однако, прежде чем достаться ей, Бутурлин сделался предметом кратковременного увлечения Екатерины Алексеевны. Наконец императрица им прискучила – и определила ко двору дочери. И это называется – пустила козла в огород.

Елисавет влюбилась смертельно и потеряла голову. Впрочем, она вообще ее легко теряла и никогда иначе, как смертельно, не влюблялась. Она находилась в таком угаре, что даже не сразу очнулась после смерти матери (Екатерина пережила мужа меньше чем на два года) и с трудом поняла, что она, Елисавет, больше не царская дочка. На престоле ее племянник – двенадцатилетний мальчишка, а она – просто какая-то там второразрядная принцесса.

А она-то еще потешалась над сестрицей Анной, которая

смиренно вышла замуж за своего унылого Карла-Ульриха! И что теперь? У Анны есть муж! Она герцогиня! А Елисавет?! Никому не нужное никто.

Конечно, Екатерина прежде изо всех сил пыталась построить не только младшую, но и старшую дочь. Мечты ее простирались далеко – в Версаль! Нет, а в самом деле, что тут такого? Если она, лифляндская крестьянка, затем солдатская прачка, стала императрицей всея Руси, то почему ее дочери не сделаться королевой Франции? На всякий случай Елисавет быстренько познакомили с азами французского языка и выучили танцевать менуэт. В этом заключалось практически все ее образование – большего, по мнению ее заботливой матушки, невозможно было требовать от благовоспитанной принцессы!

Между прочим, саксонский посланник Лефорт писал своему королю, характеризуя младшую дочь Петра: «Всегда в движении, беспечная, веселая, остроумная, казалось, что она родилась для Франции, ибо любит фальшивый блеск!»

Но нет, она не родилась для Франции...

В 1725 году Екатерина предложила свою дочь в жены Людовику XV (в крайнем случае, герцогу Орлеанскому). Французы пожали плечами. Они не собирались даже рассматривать вопрос о браке своего короля и принца с какой-то незаконнорожденной русской барышней. На всякий случай, чтобы не обидеть русских вообще и их представителя князя Александра Даниловича Меншикова в частности, француз-

ский посол Кампедон, якобы от имени своего двора, выдвинул как неперемненное условие переход невесты в католическую веру. Это считалось на Руси совершенно невозможным! К тому же разнесся слух о предполагаемом браке Людовика с англичанкой, потом с испанкой... У герцога Орлеанского тоже обнаружились какие-то обязательства. То есть кандидатура французского жениха отпала как бы сама собой. Кстати сказать, в конце концов Людовик женился на польке по имени Мария Лещинска. Елисавет потом всю жизнь втихомолку презирала его за это.

После афронта со стороны Франции матушка Екатерина стала поскромнее. Теперь ее выбор пал на побочного (ну да пусть уж все будет по пословице: «Муж и жена – одна сатана!») сына курфюрста Саксонского Августа. Звали этого красавца Морис, был он мужественным и отважным, но пределом его мечтаний был курляндский престол, к которому Елисавет не имела отношения: сей престол был занят ее двоюродной сестрой, Анной Иоанновной. Поэтому, несмотря на весьма бойкое посредничество саксонского посланника Лефорта, который отлично относился к Елисавет, потому что она была красива, и весьма поэтично (хотя и с некоторой избыточной пылкостью!) описывал ее Морису: «Хорошо сложена, прекрасного роста, прелестное круглое лицо, глаза, полные воробьиного сока,¹ свежий цвет лица и кра-

¹ Поколения и поколения историков головы сломали, пытаясь разгадать тайну сей метафоры!

сивая грудь...» – так вот, несмотря на все эти эпитеты, Морис предпочел сделать предложение герцогине Курляндской. Сей брак тоже не сладился, но это уже совсем другая история.

Разочаровавшись во французах и саксонцах, Екатерина стала поглядывать в сторону Германии. Анна замужем за герцогом Голштинским, почему бы не пристроить Елисаветку за его младшего брата?

Этого брата звали Карл-Август, и он носил титул епископа Любекского. Несмотря на сие звание, как бы обязывающее к нравственной чистоте, он немедленно очаровался невестой, причем настолько, что соблазнился ее прелестями. Его трудно винить: устоять перед Елисавет было почти невозможно. Не стоит винить и ее: при развращенном дворе Петра и Екатерины можно было усвоить только самые приблизительные понятия о добродетели. Вдобавок невинность Елисавет уже была утрачена, а коли нечего терять, так чем дорожить? К несчастью, а может, и к счастью, Карл-Август вскоре умер. Елисавет горько его оплакивала – прежде всего потому, что другого высокородного жениха у нее на примете не было. Однако она навсегда сохранила самые нежные воспоминания о своем милом романе и именно поэтому через полтора десятка лет выбрала для будущего Петра III среди множества германских невест Софию-Фредерику-Августу Ангальт-Цербтскую, племянницу покойного Карла-Августа. Однако в ту пору, о которой мы сейчас рассказываем,

до всего этого было еще далеко, как до луны, а потому и говорить об этом не стоит.

Итак, Екатерина умерла, а Елисавет убедилась, что она одинока, бедна, никому не нужна и заботиться о ней некому! На троне – несмышленный мальчик...

Насчет того, что она никому не нужна, Елисавет ошибалась. В ее сторону с большим интересом поглядывал Андрей Иванович Остерман, бывший во времена начального царствования Петра II его воспитателем, вице-канцлером и фактическим главою государства. Его немало смущала путаница с вопросами престолонаследия в России, он опасался, что дети Петра Великого в конце концов начнут тягаться с его внуком. Этого вполне можно было избежать, если решить дело полюбовно – причем в самом прямом смысле слова. Остерман задумал женить двенадцатилетнего императора на его семнадцатилетней тетушке Елисавет.

Если Петр и мог зваться несмышленьким, то уж подростком его никто не посмел бы назвать! Он выглядел на пятнадцать, а жизненная хватка и страсть к недозволенным удовольствиям делали его еще старше. Просвещением его занимался величайший потаскун того времени – молодой князь Иван Долгорукий, которому Петр доверял больше, чем себе самому. И, как это часто бывает с молоденькими мальчиками, его неодолимо тянуло не к своим ровесницам, а к более опытным особам – к женщинам постарше. Елисавет отвечала его идеалу блестяще!

Итак, перед ней забрезжил шанс вернуть то, что она утратила со смертью отца и матери. Однако по уму семнадцатилетняя тетушка недалеко ушла от своего двенадцатилетнего племянника! Честолюбие и тщеславие ее дремали, вернее, их вполне удовлетворяли не высокие титулы, а победы над мужчинами. В этом смысле ею не надо было руководить. Петр моментально влюбился по уши! И неведомо, чем бы закончился этот скороспелый роман, однако в ту пору верх над Остерманом начал всевластно одерживать Александр Данилович Меншиков. Его даже как-то неловко называть расхожим словом «временщик», настолько постоянной величиной сделался он в Русском государстве. Постоянной – и весьма влиятельной!

Он очень хорошо относился к императрице Екатерине Алексеевне – еще бы, ведь она была произведением его рук! И к ее дочери Меншиков также был весьма расположен. Однако на троне рядом с юным Петром он желал видеть *свою*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.